

бе, связывающей молодых северян с русскими писателями — их неизменными переводчиками, редакторами и наставниками.

Ранее всего влияние русской литературы проявилось в стихосложении. Присущее северянам чувство ритма сказалось особенно сильно в тех впечатлениях, которые производила на них музыка русской поэзии. Не зная еще хорошо русского языка, начинающие поэты запоминали много русских стихотворений и образно сравнивали их с журчанием ручейка, дыханием ветра и другими привычными звуками многоголосой природы. Из таких глубоких и незабываемых впечатлений родилось стремление к гармонии, рифме, образности.

Не менее благотворно воздействовала русская литература на северную национальную прозу. Непосредственно под этим влиянием эпически спокойный язык фольклора стал гораздо более живым и выразительным. Начала исчезать характерная для фольклора многих народов краткость речи, а вместе с ней и скудость на детали. Появились такие художественные средства, как описание пейзажа, прием сравнений, психологическая мотивировка поступков действующих лиц. Улучшилась композиция произведений. Надо подчеркнуть, однако, что заимствуются именно только приемы, а самые образы, вполне самобытные и оригинальные, создаются на своем национальном материале.

Черты реализма, присущие северной литературе с самого ее возникновения, в дальнейшем усилились. Вызвано это творческим ростом писателей и преобладанием в литературе новой, почерпнутой из действительности тематики. Названные выше произведения Еврина, Вахрушевой, Вылка, Савина и других авторов глубоко реалистичны. Жизненно типичны богатые картины быта и различные эпизоды со всеми конкретными деталями, правдивы и образы людей, трактуемые совершенно иначе, чем в фольклоре. Современные персонажи унаследовали от прежних героев такие традиционные черты, как силу, мужество, честность, преданность своему народу. Но вместе с тем они вполне реалистичны, освобождены от сверхъестественных свойств, которыми наделяла их в старых сказках и былинах фантазия народа. Исчезло вмешательство потусторонних, добрых и злых сил в судьбу героев. Удачей они обязаны не помощи духов, а собственным, совершенно реальным качествам: смелivosti, храбрости, великодушию и т. д. Мало того, современные герои сами ломают устаревшие традиции, борются с отживающими обычаями и именно благодаря этому одерживают победу.

Национальная форма художественной литературы народов Севера находит свое выражение, прежде всего, в живом образном языке, вскрывающем богатства народной мудрости и речи. В сочетании со всей системой художественных средств (образов, сравнений и эпитетов, параллелизмов, прямых повторов и пр.) язык создает национальный стиль произведений. Национальный колорит находит свое выражение также в широком отображении многообразных явлений материальной и духовной жизни народа, его исторического прошлого, трудового опыта и домашнего быта, вкусов и воззрений, традиций и обычаев, — словом, того, что Н. Г. Чернышевский называл «национальным характером»<sup>87</sup>.

Развивающаяся проза и поэзия вместе с национальной печатью, учебными и другими изданиями играет громадную роль в создании литературного языка народов Севера. Литературный язык уже в настоящее время несравненно богаче старого, фольклорного: он непрерывно обогащается новыми словами, заимствуемыми в большинстве случаев из русского языка. Так появились, между прочим, не только новые самостоятельные, но и служебные слова — союзы и предлоги, отсутствовавшие прежде во многих северных языках. Развитие литературного языка служит могучим средством приобщения широких народных масс к социалистической культуре в близкой им национальной форме.

Появившаяся лишь в советскую эпоху литература народов Севера могла возникнуть и сформироваться только как подлинно народная литература. Отражая в художественной форме жизнь народа, воплощая его лучшие традиции и современные прогрессивные устремления, литература эта действительно близка и понятна народу. Она развивается как органическая часть единой многонациональной советской литературы. Создавая социалистические по содержанию и вместе с тем самобытные по форме произведения, народы Севера вносят свою долю в советскую культуру. Глубоко идейные произведения литературы служат мощным орудием воздействия на жизнь, воспитания нового человека, борьбы с исчезающими, чуждыми современности пережитками.

М. А. Сергеев

П. П. Иванов. *Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв.* М.—Л., 1954.

Рецензируемая книга состоит из трех частей: первая — исследование П. П. Иванова, вторая — переводы документов из архива шейхов Джуйбара и третья — приложение в виде отрывков арабского текста. Книга снабжена указателями (составлены О. К. Ивановой) личных имен, географических названий и терминов.

<sup>87</sup> Н. Г. Чернышевский, О различиях между народами по национальному характеру. В статье: Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории; Избранные философские сочинения, Соцэкгиз, М., 1938, стр. 245 и сл.

Исследование П. П. Иванова, посвященное истории феодального землевладения в Средней Азии XVI—XVII вв., разбито на разделы, каждый из которых освещает определенную группу вопросов. В «Предварительных замечаниях» характеризуются хозяйство крупнейшего духовного феодала XV в. ходжи Ахрара, устанавливаются размеры его владений и т. д. Во втором разделе рассматриваются источники для изучения вознившего в середине XVI в. хозяйства джуйбарских шейхов — семьи бухарских духовных феодалов<sup>1</sup>. В третьем разделе («К истории аграрных отношений в Бухаре XVI в.») анализируются главным образом социальный состав землевладельцев, категории земельной собственности, налоговая терминология<sup>2</sup>, формы феодальной земельной ренты. В остальных трех разделах рассматриваются сложение феодального хозяйства джуйбарских шейхов, источники накопления и размер их земельных и прочих владений, тип организации хозяйства на землях джуйбарских ходжей, характер и аппарат управления в их владениях и др.

Не останавливаясь на всех очень серьезных и убедительных положениях и выводах П. П. Иванова, а также на частных недочетах его работы, позволим себе сосредоточить внимание на четырех вопросах, поставленных П. П. Ивановым или подсказанных его работой.

1. О мульковых (мильковых) землях. П. П. Иванов обстоятельно на основании источников того времени проанализировал сущность таких категорий феодального землевладения XVI в., как «мемлеке-и падшахи» («мемлеке-и султани» или просто «мемлеке»); «мульк-и хурр» («мульк-и халис») и земли, в источниках XVI в. обозначенные просто словом «мульк» (в дальнейшем «мульковые земли»). Определение первых двух категорий не вызывает сомнений. Собственником земель «мемлеке-и падшахи» является государство, так как феодальная рента-налог с них поступала именно государству. Собственниками земель «мульк-и хурр» или «мульк-и халис» (в дальнейшем «обельные земли») являются частные лица, так как рента с этих земель поступала именно их частным владельцам. Следовательно, земли первой категории — действительно государственные, а земли второй категории — действительно частнособственнические. Третью категорию, т. е. мульковые земли, П. П. Иванов также определяет как частнособственнические на основании того, что владение мульковыми землями не обусловлено службой, а сами земли могут быть проданы или переданы по наследству. Правильно ли это определение и охватывает ли оно всю совокупность признаков, характеризующих эту категорию землевладения?

Сравнивая правовое положение государственных и мульковых земель, П. П. Иванов закономерно поднимает вопрос о том, «подвергались ли мульковые земли налоговому обложению со стороны государства» (стр. 45), отвечает на этот вопрос положительно и на основании одного документа заключает, что «...доля государства может доходить до  $\frac{2}{3}$  общей стоимости земли, а следовательно, и приносимого ею урожая» (стр. 45). Однако никаких дальнейших выводов из этого факта он не делает, продолжая называть их частнособственническими. Интересный материал по этому вопросу дают многочисленные документы XVII в. и последующего времени, в том числе изданные О. Д. Чехович. Во всех случаях они фиксируют «обеление» от государственных налогов одной третьей мульковой земли за счет передачи двух третей этой земли в фонд государственных земель («мемлеке»). Иначе говоря, государство, имеющее право на  $\frac{2}{3}$  феодальной ренты, получает соответственно  $\frac{2}{3}$  всей земли с правом всю ренту с этих двух третей земли взимать в свою пользу; а частное лицо, имевшее право на  $\frac{1}{3}$  феодальной ренты, получает третью часть той же земли, но с аналогичным правом ренту с этой третьей части целиком взимать в свою пользу<sup>4</sup>. При этом вся земля, до раздела принадлежавшая категории «мульк», как бы «распадается» на два неравных участка, из которых один переходит в категорию «обельных» частнособственнических земель, а другой — в категорию земель государственных.

Как известно, основой производственных отношений феодального общества являлась собственность феодала на землю и неполная собственность на непосредственно

<sup>1</sup> Кроме использованных П. П. Ивановым актовых источников, следует упомянуть еще ряд вакуфных грамот, могущих пополнить и уточнить сведения о хозяйстве джуйбарских шейхов. В качестве примера назовем вакуфную грамоту 1018 (1609) г. Абд-ар-Рахима-ходжи, сына ходжи Са'да, составленную в пользу потомков (хранится в Государственной библиотеке Таджикистана им. Фердоуси); вакуфную грамоту 1082 (1671/72) г. его дочери Ай-Падша-биби в пользу медресе Чар-Бакр и мазара ходжи Са'да (ЦИИ. УзССР, фонд 323, № 96) и др.

<sup>2</sup> К списку налогов и повинностей XVI в., приведенному П. П. Ивановым (стр. 35 и сл.) и дополненному Р. Г. Мукминовой («Вопросы истории», 1954, № 11, стр. 136), следует добавить налоги «такаббули», «тафавут» и «тавфири» (см. В. А. Шишкин. Надписи на портале большой мечети в Бухаре, «Бюллетень АН УзССР», 1938, № 8, стр. 25—26).

<sup>3</sup> Документ к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и прим. О. Д. Чехович, Ташкент, 1954, док. № 2—5, 10—12, 18—21, 25, 40.

<sup>4</sup> В указе 1702—1711 гг. (док. № 20 из числа изданных О. Д. Чехович) мульковые земли такого рода очень удачно названы «милк-и сулс ва сулсон», т. е. «имение третьих двух третей». Другие виды (например, земли «ушр») в настоящей рецензии не рассматриваются, поскольку П. П. Иванов специально их не анализирует.

производителя; на этой основе и взималась феодальная рента. Феодальная земельная рента с мульковых земель поступала частично феодальному государству, частично — частному лицу (обычно из представителей разных сословий господствующего класса). При этом на долю государства приходилась большая часть ренты (например,  $\frac{2}{3}$  или  $\frac{3}{4}$ ), а на долю частного лица — меньшая часть (например,  $\frac{1}{3}$  или  $\frac{1}{4}$ ). Следовательно, в качестве феодальных собственников мульковых земель выступают не просто и не только частные лица, а одновременно (и как бы «на паях») и государство и частное лицо.

Из всего этого следует, что «обеление» части мульковых земель нельзя рассматривать как «...акт, по существу фиксирующий одновременную уплату собственником мулька всех причитающихся с него в пользу государства налогов и ренты вперед на все будущее время...» (стр. 45). Такая квалификация повторяет трактовку юристов того времени<sup>5</sup> и характеризует только одну сторону явления. Следовало бы тогда добавить, что и государство в свою очередь как бы уплачивает частному лицу вперед на все время часть ренты, принадлежавшей этому частному лицу, с той части земель, которая полностью отошла к государству. Иначе говоря, следовало бы тогда подчеркнуть обоюдный характер единовременной расплаты за долю каждого из двух собственников. Но дело не только в этом, ибо такая трактовка не затрагивает существа — самой земли и прав собственности на эту землю. На самом деле в такого рода соглашениях между государством и частным лицом выступает двусторонний акт раздела совместной земельной собственности. Каждый из двух собственников при этом получал такую часть земли, которая соответствовала его доле в общей феодальной ренте с общей земельной собственности до ее раздела<sup>6</sup>. Есть основания думать, что оба фактических собственника мульковых земель могли самостоятельно и независимо друг от друга собирать с непосредственного производителя свою долю феодальной ренты<sup>7</sup>. Это должно было создавать многие взаимные неудобства, не говоря о двойном злоупотреблении, и могло быть одной из причин интенсификации процесса «распадения» мульковых земель, о котором свидетельствуют документы, когда часть их превращалась в земли государственные, а другая — в категорию подлинно частнособственнических земель, т. е. в обоих случаях получала вместо двух одного феодального собственника: или государство, или частное лицо<sup>8</sup>.

Другая сторона вопроса — это юридическое определение мульковых земель. С точки зрения правовой нормы того времени, мульковые земли, разрешенные к продаже и передаче по наследству, выступают как частнособственнические. Такое определение обусловлено и подсказано тем, что часть каждого мулькового земельного владения действительно была собственностью частного лица. Так как фактически мульковые земли были нераздельной собственностью двух владельцев, такая правовая норма отражала только часть действительного положения, формально перенося часть на целое. Государство как собственник части нераздельных мульковых земель ничего не теряло при смене своих совладельцев — частных лиц. Поэтому юридическая норма, акцентирующая внимание на правах лишь одного владельца, удовлетворяла практическим нуждам, не вступала в резкое противоречие с практикой и поэтому не менялась. Зафиксированные документами факты раздела мульковых земель между двумя их совладельцами лучше всего показывают недостаточность их юридического определения и форму приспособления односторонней и обуженной юридической нормы к тем случаям, когда практика целиком не укладывалась в ее рамки.

Мулльковые земли определялись исследователями различно. Две основные точки зрения сводятся к тому, что одни исследователи, подобно П. П. Иванову, считают их частнособственническими (по существу, повторяя этим юридическую формулу того времени, неполно и не совсем точно отразившую реальную экономическую картину), а

<sup>5</sup> Не случайно в некоторых документах мульковые земли называются также хараджными землями — «мульк-и хараджи». В этом определении право на ренту внешне как бы оторвано от прав собственности на землю.

<sup>6</sup> В Азербайджане и Армении существовала совершенно аналогичная категория мулькового землевладения, когда частное лицо и государство делили ренту своего совместного нераздельного владения. Дореволюционные исследователи-кавказоведы различно определяли такой «мульк». И. П. Петрушевский (Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в., Л., 1949, стр. 222 сл.) на основе большого фактического материала разобрал ошибочность этих определений и четко выявил признаки мульковой категории землевладения. Но сам он «мульк» определил как частную поземельную собственность, лишь «в теории» ограниченную государством (там же, стр. 229). Можно ли называть «теоретическим» право на значительную часть каждого мулькового владения, выраженную в праве получать с него часть ренты и в праве (как это показывает среднеазиатский материал) раздела и выделения своей части мульковой земли?

<sup>7</sup> Документ № 5 из числа изданных О. Д. Чехович.

<sup>8</sup> Мы отнюдь не рассматриваем все источники образования «обельных» частнособственнических земель. Но в данной связи следует отметить, что при покупке или дарении государственных земель это оформлялось как двойной акт: покупка за деньги или подставной предмет (например, коран) якобы превращала государственные земли в мульк «на паях»; затем, путем раздела, треть этого мулька (т. е. фактически купленная земля) объявлялась «обельным» владением, а  $\frac{2}{3}$  мулька (юридическая фикция) якобы возвращались в категорию государственных земель. Это свидетельствует о том, что категория мульковых земель и их раздел были прочной нормой.

другие, наоборот, — государственными. Факт появления и сосуществования двух диаметрально противоположных и в обоих случаях аргументированных точек зрения сам по себе свидетельствует о сложности и нерешенности этого вопроса. Приведенные выше соображения и факты позволяют выдвинуть в порядке обсуждения еще одну точку зрения. Актовый материал XVI в. в следующих столетиях дает основание заключить, что в это время мульковые земли были нераздельной феодальной собственностью двух совладельцев — частного лица и государства, которые делили между собой общую феодальную ренту с таких земель, но могли разделить и самую землю пропорционально долям ренты. При таких разделах мульковой земли одна ее часть переходила в полную «обельную» собственность частного лица, а другая — в полную собственность государства, т. е. мульковая земля «распадалась» на землю «мульк-и хурр» и «мемлеке-и падашахи». В рамках рецензии предлагаемые соображения, естественно, носят предварительный характер. Вопрос о мульковых землях требует специального углубленного исследования на базе всей совокупности среднеазиатских материалов, конкретно для каждого хронологического периода. Только такое исследование может подтвердить другие стороны этого вопроса, не затронутые в данной рецензии.

2. Об определении действительных размеров упоминаемых в источниках земельных площадей и доходов. Для изучения истории аграрных отношений большое значение имеет метрология, так как в нарративных и актовых источниках постоянно упоминаются разные метрические единицы, в том числе единицы веса. Некоторые исследователи, приводя такого рода весовые свидетельства, оставляли их без перевода на современные международные единицы веса, другие (в том числе и П. П. Иванов) переводили весовые единицы (в частности, батманы или ман) XVI—XVII вв., исходя из батманов XIX в. В первом случае интересные данные о размерах налогов, накоплений, жалованья разных лиц и пр. не получали реального смысла. Во втором случае получалась совершенно искаженная картина: использование восьмипудового батмана XIX в. в приложении к батманам XVI—XVII вв. резко меняло действительные цифры, так как, по всем данным, различные (в зависимости от места) батманы XVI—XVII вв. не равнялись среднеазиатским батманам XIX в.

В частности, в XV—XVII вв. большой самаркандский батман равнялся не 8 пудам, а всего 19,2 кг. Заключение это основывается на свидетельстве вакуфной грамоты первой четверти XVI в. в пользу самаркандского медресе Шейбани-хана. В этой грамоте прямо сказано, что большой самаркандский батман равен четырем тысячам мискалей. Среднеазиатский торгово-денежный мискаль XV—XVII вв. равнялся 4,8 г. Следовательно, батман =  $4,8 \times 4000 = 19,2$  кг. П. П. Иванов в рецензируемой работе использовал названную вакуфную грамоту (стр. 24); близкий к действительному размер мискалья также был ему известен (стр. 49—4,6 г). Неясно, почему такой внимательный исследователь, как П. П. Иванов, прошел мимо столь примечательных сведений, которые помогли бы ему установить истинные размеры разных весовых упоминаний и во многом уточнить реальную картину роста и размеров феодального хозяйства ходжи Ахрара и джуйбарских ходжей.

Приведем два примера. По свидетельству источников, ходжа Ахрар с самаркандских земель вносил «ушр» в размере 80 000 самаркандских манов. П. П. Иванов приравнивает их к 640 000 пудов, на основании чего высчитывает валовой сбор урожая (6 400 000 пудов) и размер земельных владений (200 000 танапов) (стр. 11—13 и прим. 4 на стр. 11). Но если исходить не из восьмипудового батмана XIX в., а из мана XV—XVII вв., получаются совсем другие цифры: «ушр» примерно 90 000 пудов, валовой сбор — примерно 900 000 пудов, а размер земельных владений этой категории — около 30 000 танапов, т. е. почти в семь раз меньше!

В работе П. П. Иванова фигурирует и бухарский большой батман, оставленный в отличие от самаркандского без перевода в пуды или килограммы. Сопоставление некоторых известий XVII—XVIII вв. показывает, что бухарский большой батман был близок в то время полутора пудам (скорее всего, точно равнялся 26,5 кг). Отсюда, например, общий доход с полей Тадж-ад-Дина, определяемый источниками в 50 000 тенге и 150 000 манов зерна большого бухарского веса (стр. 73), в части зерна равняется 3 875 000 или свыше 242 000 пудов зерна. Это в четыре раза меньше, чем валовой сбор зерна с одних только самаркандских земель ходжи Ахрара. Следует оговорить, что изучение среднеазиатской метрологии для времени до XIX в. находится еще в зачаточном состоянии. Можно назвать всего несколько статей, посвященных частным вопросам. Обобщающих работ нет, и это не случайно: для них еще не накоплен материал. Приведенные примеры показывают, что назрела необходимость уделить вопросам метрологии больше внимания, чем это имело место раньше. Большое значение здесь могут получить этнографические материалы.

3. О месте среднеазиатского города XVI в. в системе феодализма. Один из важнейших вопросов истории средневековой Средней Азии — вопрос о роли и месте города в системе среднеазиатского феодализма на разных отрезках времени. Во всем объеме и на конкретном среднеазиатском материале этот вопрос, особенно для позднего средневековья, исследователями не ставился. Почему среднеазиатский город не стал тем, чем стали некоторые русские или западноевропейские города, хотя товарное производство, дробность специализации ремесла, внутренняя и внешняя торговля, денежное обращение и пр. в определенные периоды достигали в Средней Азии значительного развития? Для хулагидского государства этот вопрос обстоятельно иссле-

дован И. П. Петрушевским<sup>9</sup>, который одну из важнейших причин этого видит в том, что «землевладельческая знать и городская служилая знать составляли одну и ту же социальную группу, одну из прослоек класса феодалов...». Эту же особенность И. П. Петрушевский отмечает и для более позднего времени по материалам, например, Азербайджана и Армении<sup>10</sup>.

Для конкретного изучения среднеазиатского города XVI в. очень существенными следует признать приведенные П. П. Ивановым аналогичные факты сосредоточения в одних руках и крупной земельной собственности и многочисленных городских торговых предприятий. На основании этих фактов сам П. П. Иванов делает два очень существенных вывода: о том, что «нередко в состав торгового оборота в качестве товаров входил преимущественно прибавочный продукт, поступающий в распоряжение господствующей феодальной верхушки от непосредственного производителя», и о том, что... «при таком состоянии торговли последняя не могла оказывать революционизирующего действия на местное производство, являясь одним из факторов (конечно, не единственным) его застойного характера» (стр. 42—43).

Эти же факты говорят о том, что для среднеазиатских городов XVI в. нельзя говорить о противопоставлении интересов феодалов-землевладельцев и городской торговой верхушки. Очень интересно, что этот вывод подтверждается фактами совсем другого рода — особенностями денежного обращения в Средней Азии XVI в., содержанием и целенаправленностью трех денежных реформ, выявленных и изученных для этого столетия. Государственная власть в XVI в. извлекала значительные доходы из чекана и обращения монет; в периоды усиления феодальной раздробленности и феодальных войн интенсивная эксплуатация монетной регалии как государством (в лице хаканов), так и крупными феодалами — удельными владельцами приводила к расстройству денежного обращения. Но каждый раз делались попытки (подчас очень удачные) урегулировать денежное обращение в общегосударственном масштабе, а извлечение фискальных доходов от чекана и обращения построить на совершенно определенных основаниях, ограничивающих производ и избавляющих монетный чекан и денежное обращение в течение довольно длительных отрезков времени от всяких неожиданностей. Более того, история денежного обращения в XVI в. свидетельствует о попытке (денежная реформа Шейбани-хана)<sup>11</sup> прибегнуть к скрытой, замаскированной форме эксплуатации монетной регалии, что вообще для феодализма не типично. В другом случае (денежная реформа Абдулла-хана II)<sup>12</sup> государственная власть ради ликвидации кризиса денежного обращения в числе прочих мероприятий отказалась от принятой за предшествующее время формы эксплуатации серебряной регалии и ограничила доходы казны только нормализованными отчислениями при чекане монет. Примеры эти можно было бы умножить и развить. Государственная власть не проявляла бы таких «забот» в части упорядочения денежного чекана и обращения, если бы в этом не были заинтересованы те слои господствующего класса, которые составляли опору феодального государства, выразителем и защитником чьих интересов само государство являлось. Именно то обстоятельство, что землевладельческая и городская верхушка в XVI в. сливалась в лице одних и тех же светских и духовных феодалов, определяло финансовую политику государства в части организации чекана и обращения монет<sup>13</sup>.

Здесь история денег и денежного обращения (по данным, главным образом, нумизматики) выступает как источник, дополняющий и расширяющий возможности конкретно-исторической характеристики среднеазиатского города XVI в. и его места в системе феодализма этого времени. А так как письменные источники по Средней Азии не изобилуют такого рода указаниями и фактами, привлечение косвенных показателей и любых других вспомогательных источников приобретает большое значение для специального и углубленного изучения проблемы среднеазиатского средневекового города.

4. О предметно-терминологическом указателе и о переводах. Публикация переводов актов джуйбарского архива (выполненных в 1937 г. коллективом научных сотрудников Института востоковедения АН СССР, заново просмотренных и подготовленных к изданию Ю. П. Верховским), несомненно, имеет большое значение. Для историков и экономистов, не владеющих восточными языками, переводы откроют возможность широкого использования этого ценнейшего источника; востоковедам переводы облегчат работу. В связи с этим хотелось бы сделать некоторые замечания о качестве переводов.

<sup>9</sup> И. П. Петрушевский, *Городская знать в государстве хулаидов, «Советское востоковедение», V, М.—Л., 1948.*

<sup>10</sup> И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 78.

<sup>11</sup> Е. А. Давидович, *Денежная реформа Шейбани-хана, Труды АН Таджикской ССР, т. XII, Сталинабад, 1954, стр. 85—108.*

<sup>12</sup> Е. А. Давидович, *Две денежные реформы в государстве Шейбанидов, Труды САГУ, новая серия, вып. XXIII. Гуманитарные науки, кн. 4, Ташкент, 1952.*

<sup>13</sup> П. П. Иванов опорой Абдулла-хана II в его борьбе за централизацию государства Шейбанидов считает джуйбарских шейхов и наиболее видную часть узбекской «феодально-племенной» знати (стр. 68). Вся финансовая политика Абдулла-хана, его мероприятия по налаживанию дорог и многое другое свидетельствуют о том, что большую ставку он должен был делать на ту торгово-феодальную верхушку, которая была прямо заинтересована в централизации государственной власти.

Среди разнообразных вопросов, для решения которых акты джуйбарского архива дают интересный материал, важное место занимает вопрос о ремесленном производстве и внутригородской торговле в XVI в. При изучении ремесла и торговли, удельного веса отдельных ремесленных производств, места разных товаров во внутригородской торговле и т. д. большое значение имеет статистический подсчет, а также изучение топографии местоположения в городе лавок, мастерских и базаров по видам ремесла и торговли. Однако подбор материала в таком аспекте по переводам актов джуйбарского архива чрезвычайно затруднителен и может даже привести к некоторому искажению картины. Даже при беглом ознакомлении с переводами бросается в глаза отсутствие унификации и единого принципа в переводе терминов, обозначений объектов и пр. Иногда в этих случаях искажается смысл<sup>14</sup>. Например, одна и та же фраза в док. № 41 переведена как «... и некоторого количества фулусов, причитающихся натурой неопределенного достоинства и веса...»; в док. № 116 как «...и некоторое количество фулусов, определенных на глаз, не известных по количеству и весу...», в док. № 380 как «...и определенного на глаз некоторого количества фулусов, не известных по достоинству и весу...». Следовательно, в данном случае один и тот же отрывок фразы переводится то как «причитающихся натурой», то как «определенного на глаз»; одно и то же слово переводится то как «количество», то как «достоинство».

Особенно много примеров неунифицированности перевода представляют названия улиц, базаров, городских ворот и пр. Названия объектов такого рода иногда переданы транскрипцией, в других случаях они переведены на русский язык и лишь иногда наличествуют и транскрипция и перевод. Вот несколько примеров. Наименование «Базар-тукумдузан» (тадж. «Бозори тукумдузон») в разных документах передано как «базар Тукумдузан» (док. № 16), «базар Тукумдузан (седельников)» (док. № 39) и просто «базар седельщиков» (док. № 43, 57). Название «Тим-и джамэфурушан» (тадж. «Тими джомэфурушон») в переводах разных документов дает следующие варианты: 1) «тим Джамэфурушан» (док. № 20); 2) «тим Джамэфурушан (продавцов одежды)» (док. № 14); 3) «тим продавцов одежды» (док. № 46); 4) «тим продавцов платья» (док. № 31, 34); «базар продавцов одежды (тим-и джамэфурушан)» (док. 7). Название «дуккан-и ошпази» (тадж. «дукони ошпази») в одних случаях передано как «дуккан-харчевня» (док. № 49 и др.), в других как «столовая» (док. № 308), в третьих как «лавка-харчевня» (док. № 4). Название «дуккан-и нанвай» в одних случаях передано как «хлебопекарный дуккан» (док. № 308), в других как «хлебопекарня» (док. № 6). Название «Тим-и такиэдузан» (тадж. «Тими токидузон») в одних случаях передано как «тим ермолочников (такиэдузан)» (док. № 5), в других как «тим тибетеечников» (док. № 36). Примеры такого рода многочисленны.

В основу перевода следовало, конечно, положить какой-то единый принцип и во всех случаях последовательно его придерживаться. Первые последствия отсутствия унификации можно видеть на указателях рецензируемого труда. Так, в предметно-терминологический указатель внесены слова «хлебопекарный дуккан», «дуккан-харчевня» и «тим ермолочников», но зато «хлебопекарня», «столовая», «лавка-харчевня» и «тим тибетеечников» ни под этими словами, ни самостоятельно не учтены. Вышеупомянутое название «Тим-и джамэфурушан» фигурирует в указателе дважды, как два самостоятельных слова: в первом случае «тим-и джамэфурушан (базар продавцов одежды)», во втором — «тим торговцев платьем», в полном соответствии с неунифицированным переводом. «Тим ермолочников и продавцов платья» в указателе как самостоятельное слово отсутствует, страница же в одном случае отнесена к «тиму ермолочников», в другом — просто к «тиму».

Что касается предметно-терминологического указателя в целом, то принцип подбора слов и их внутреннего распределения совсем не ясен. Почему, например, в указателе фигурируют различные «тимы», а «базары» (названия которых обычно определены их местоположением или торговой специализацией) отсутствуют? Между тем среди названий базаров есть очень интересные с точки зрения характеристики торговли, например, «базар прядильщиков»<sup>15</sup> (док. № 40), «железный базар» (док. № 43, 55), «базар поваров» (док. № 49-г), «щыновочный базар» (док. № 52), «веревочный базар» (док. № 52), «базар шьющих вычюные седла» (док. № 16, 39 и др.) и т. д. В указателе фигурируют разнообразные лавки — «дукканы» (правда, с пропусками: нет, например «фуражного дуккана» и др.). Однако их расположение внутри указателя также не подчинено единому принципу. Одни фигурируют под словом «дуккан» (например, «дуккан медничный», «дуккан по продаже ножей» и пр.), другие под своим специализированным названием (например, «москательный дуккан», «шашлычный дуккан» и пр.). Следовало бы принять одну из двух этих форм или ввести перекрестные ссылки.

Е. А. Давидович

<sup>14</sup> Нельзя не упомянуть также о пропусках в переводах, например, в док. № 308 (стр. 286, строки 28—30) пропущены описание части продаваемого имущества и указание на местоположение.

<sup>15</sup> Кстати, слова «дуккан-и лаввафи» и «базар-и лаввафан» на стр. 116 неверно переведены как лавка «по выделке веревок» и как базар «мастеров веревок» вместо «прядильный» и «прядильщиков».